

Цзун Чихуай обнаружил дело, с которым Се Жун не справлялся, и пришел в такой восторг, что совершенно забыл о том, что сам в этом деле ничуть не лучше.

Наблюдая, как Цзун Чихуай уже в третий раз принимается за бинты и снова делает ему больно, Се Жун заподозрил неладное. Он выхватил у него ленту:

— Я сам.

Цзун Чихуай смущенно уставился на бинт. Гордость юного господина была уязвлена:

— Этот бинт какой-то не такой.

— Тогда прикажи ему стать лучше.

Се Жун и вправду чувствовал сильную боль. Его губы утратили всякий цвет, а во время перевязки на лбу то и дело выступал холодный пот. Глядя на виновника своих мучений, он не мог скрыть неприязни. Сам по себе Се Жун выглядел сурово, а с таким выражением лица — и подавно.

Цзун Чихуай понимал, что это он довел парня до такого состояния. В пылу драки он не придавал этому значения, но теперь чувствовал, что немного перегнул палку. Он скривил губы и, чувствуя неловкость, присел рядом, прикусив язык.

Се Жун сидел на стуле, перевязывая рану. Его черные кожаные сапоги упирались в пол, одна нога была согнута в колене. Цзун Чихуай присел прямо у этой ноги, и стоило ему опустить взгляд, как перед глазами предстали длинные, прямые ноги, обтянутые брюками, словно острое, еще не обнаженное копьё.

Почему-то Цзун Чихуай долго смотрел на ноги своего заклятого врага, невольно потирая пальцами колено. Эти ноги были просто невероятны. Се Жун такой худой, наверное, и ноги у него тонкие — совсем не как у омег.

Подумав об этом, Цзун Чихуай невольно поднял взгляд. Юноша хмурился, сосредоточенно перевязывая рану. Его красивые черты лица были опущены, а длинные ресницы отбрасывали тень на веки. Бледные губы казались почти бесцветными, из-за чего разбитый уголок рта выделялся еще сильнее. Когда он молчал, то действительно был похож на омегу: красивый, хрупкий, вызывающий непреодолимое желание защитить.

Вероятно, Цзун Чихуай смотрел слишком долго, потому что Се Жун, почувствовав на себе странный, липкий взгляд, поднял голову. Вскинув брови, он смерил его пронзительным взглядом своих узких глаз-фениксов:

— Что уставился? Это не твоя вещь, глаза отведи.

Это был ответ на его недавнюю фразу — Се Жун оказался злопамятным.

Цзун Чихуай облизнул пересохшие губы. Инстинкт охотника-альфы, о котором он даже не подозревал, скрыл в глубине его глаз нотки агрессии и азарта:

— Ну и что, что смотрю? Хочу и смотрю.

Он вдруг понял, что такой опасный Се Жун нравится ему куда больше, чем если бы тот был слабым и миловидным. В конце концов, какой толк от слабого альфы? Только такой сильный альфа, как он сам, достоин уважения.

Цзун Чихуай усмехнулся и, не теряя наглости, позвал его:

— Эй, Се Жун, то, что я сказал раньше — серьезно. Может, подумаешь?

Говоря это, он положил руку на длинную ногу парня. Под ладонью он почувствовал упругие мышцы, скрывающие в себе мощь, и слегка надавил. Затем, как ни в чем не бывало, убрал руку и, сидя на корточках, посмотрел на Се Жуна снизу вверх.

Один сидел на стуле, глядя сверху вниз, другой сидел на корточках, вынужденный задирать голову. Этот ракурс был весьма пикантным, и на самом деле люди с сильным чувством собственного достоинства такое не любят, особенно гордый и амбициозный Цзун Чихуай.

Се Жуну достаточно было лишь слегка опустить взгляд, чтобы увидеть Цзун Чихуая целиком. Это чувство было странным. Закончив перевязку, Се Жун равнодушно скользнул взглядом по дерзкому, непокорному лицу Цзун Чихуая, встретился с его сияющими черными глазами, и настроение внезапно улучшилось. Он даже решил не обращать внимания на то, что этот тип только что коснулся его ноги, из-за чего он чуть было машинально не ударил его.

Се Жун приподнял бровь и, пребывая в отличном расположении духа, ответил:

— Я тоже говорил серьезно. Я никогда не сотрудничаю с теми, кого победил.

— Это была случайность, я признаю, что переборщил, — Цзун Чихуай замялся, быстро проскочив этот момент, и смягчил тон: — Нам ведь не обязательно быть врагами. Разве не круто было бы вместе разнести Имперскую военную академию?

— Круто, — кивнул Се Жун.

Увидев, что тот согласен, Цзун Чихуай просиял и сдул упавшую на глаза прядь:

— Тогда чего мы ждем? Давай объединимся. Будем вместе, я буду первым, а ты...

Заметив опасный взгляд Се Жуна, он тут же поправился:

— Ты тоже будешь первым. Поделим первое место, так пойдет?

— Нет.

Цзун Чихуай вытаращил глаза, не веря, что даже после его уступки Се Жун все еще отказывается!

Увидев недоумение на лице Цзун Чихуая, Се Жун усмехнулся:

— Я просто согласился, что это круто, но не говорил, что согласен на сотрудничество. Ты не слишком много на себя берешь?

Он улыбнулся так красиво, что Цзун Чихуай, привыкший видеть лишь его холодные, насмешливые или провокационные ухмылки, на мгновение замер. Это была первая искренняя улыбка, в которой читалась капля самодовольства. Цзун Чихуай невольно засмотрелся, подумав, что этот альфа невероятно хорош собой.

А потом до него дошел смысл сказанного, и он взорвался от возмущения:

— Ты смеешь играть со мной?! Се Жун, я заметил, у тебя ко мне куча претензий. Я тебе настолько противен?

Се Жун невозмутимо кивнул:

— Да.

Он был злодеем, а разве хоть один злодей любит главного героя? Да и если отступить на шаг назад, в конце концов ему все равно придется уступить дорогу этим любимчикам судьбы, прокладывая им путь. То, что он выполнял эту работу, не означало, что она ему нравилась. К тому же, заносчивость и наглость этого юного господина Цзун Чихуая действительно раздражали — хотелось лишь втоптать его в грязь. Видимо, роль злодея ему и вправду подходила, с выбором группы он не ошибся.

Цзун Чихуай был в ярости. Он еще не встречал такого человека, который мало того, что играет с ним, так еще и в лицо заявляет о своей неприязни. Цзун Чихуай знал, что его характер не подарок, и многие альфы его недолюбливали. Но неприязнь Се Жуна вызвала у него не только злость, но и какую-то непонятную обиду.

Черт возьми, что я тебе сделал, что ты меня так ненавидишь?

Хотя... он ведь избил его, и сейчас тот сидит в медпункте именно из-за него. Но ведь Се Жун ненавидел его еще до того, как он его ударил! В чем же дело? Цзун Чихуай никак не мог понять: они ведь раньше никогда не виделись, он ничем не успел насолить Се Жуну, так почему же тот так к нему относится?

Цзун Чихуай до сих пор помнил их первую встречу. Тогда он только закончил период течки, с трудом сдерживаясь с помощью подавителей. Как только все закончилось, он тут же схватил вещи и помчался в Имперскую военную академию. Учеба еще не началась, но некоторые студенты уже заселились.

Цзун Чихуай был альфой высшего класса, и бесчисленные семьи, где были омеги, следили за ним, надеясь на брак. В семье Цзун тоже давно грезил о том, чтобы подобрать ему омегу, чтобы облегчить его следующие периоды течи, но самого Цзун Чихуаю это ужасно раздражало — он терпеть не мог омег. Поэтому он и сбежал в академию, рассчитывая, что здесь будет единственным альфой.

Каково же было его удивление, когда на соседней кровати он увидел аккуратно заправленную постель с голубым бельем. Кто-то уже заселился. Он удивился, но интереса не проявил.

А потом его старший брат, получив приказ от деда, примчался в академию. Цзун Чэн был в отчаянии:

— Просто скажи, какие омеги тебе нравятся, я вернусь и найду тебе такого же.

Юный господин вызывающе рассмеялся:

— Да пошли они к черту! Какой смысл в омеге, которого я могу убить одним ударом?

— Ты болен? Зачем тебе бить омегу?

— У меня склонность к домашнему насилию, — Цзун Чихуай иронично улыбнулся. — В древних книгах сказано, что такие альфы, как я, склонны к тирании. Я не ищу омегу, чтобы не брать на себя лишнюю ответственность.

Старший брат долго молчал, требуя, чтобы он хоть что-то выбрал, иначе дед придет лично. Цзун Чихуай, устав от этого давления, сдул прядь волос и, повернув голову, случайно увидел чей-то силуэт. Всего один взгляд — и он запечатлел это лицо: великолепно красивое, но не утратившее свирепости.

Он указал пальцем и выпалил:

— Вот такой омега мне нравится. Похоже, его я одним ударом не убью.

Позже Цзун Чихуай узнал, что это был его сосед по комнате — Се Жун. Тоже альфа.

<http://bllate.org/book/20543/2051005>